

каждого человека должны пройти дожди, некоторые дни должны быть темными и унылыми, печальными) — «не все ненастье, проглянет и красное солнышко» («Что видели и о чем говорили колокола»).

Таким образом, для перевода фразеологических единиц (поговорок и поговорок) важны их семантическая функция в тексте, знания национальной культуры, а также умение моделировать языковую реальность, найти соответствие, основанное на другом образе, совпадающем по общей семантике.

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И БУКВАЛИЗМ В ПЕРЕВОДЕ

Дубинко С. А., Белорусский государственный университет

Билингвизм и связанная с ним межъязыковая интерференция различных типов давно привлекают внимание исследователей. Однако в переводческом плане это явление недостаточно изучено. Нежелательный буквализм четко не отграничен от правомерных заимствований и калек, не в полной мере учитывается опасность прямого буквализма («решительный протест» — *«decisive ulu resolute protest»* вместо *«strong vigorous protest»*, а скрытый буквализм нередко рассматривается как «идеально точный» перевод. Так, одним из серьезных недостатков при переводе с русского языка на английский является немотивированный выбор многословного дескриптивного варианта, копирующего лингвистические особенности переводимого выражения. На практике оказывается, что даже в области перевода художественных текстов нет необходимости стремиться к максимальной лингвистической эквивалентности перевода. В действительности, именно норма лингвистической эквивалентности перевода (собственно переводческое требование) часто оказывается наименее обязательным требованием. Однако в отказе опытных переводчиков соблюдать эту «норму» нет ничего парадоксального: А. *«He speaks fluent English»*. Б. *«He speaks English fluently»*. А. *«He dreams of a singing career»*. Б. *«He dreams of a career as a singer»*. А. *«You have my sympathy»*. Б. *«I sympathize with you»*. Оба варианта приведенных высказываний не содержат каких-либо языковых ошибок. Варианты «Б» могут показаться «лингвистически эквивалентнее», однако именно такие переводы характерны для начинающих переводчиков, а также для тех, кто считает, что чем перевод лингвистически ближе к оригиналу, тем он «точнее». Однако использование в переводе средств и способов выражения, не специфичных для данного языка, приводит к сильной скрытой (косвенной) межъязыковой интерференции, полностью лишая текст перевода той естественности («идиоматичности»), которая характерна для оригинальной речи. Перевод с чрезмерной концентрацией в нем скрытых буквализмов обычно воспринимается носителями языка как «суконный», несмотря на его языковую правильность.

Отсутствие в трансляте специфичных только для ПЯ средств и способов выражения уже само по себе достаточно объективно сигнализирует о невысоком качестве перевода. Некоторые авторы, например, рекомендуют опускать русские отглагольные существительные при переводе текстов с

русского языка на английский, когда эти существительные имеют незначительный «семантический вес» и могут быть опущены даже в русских текстах без ущерба для содержания несомых ими сообщений.

Политические и социальные изменения, произошедшие в нашей жизни в течение последних полутора десятилетий, вызвали ряд коренных изменений в межкультурной компетенции русскоговорящего социума.

Русский язык претерпел значительные изменения: в него проникло большое количество заимствований (особенно из английского языка, т. е. основного средства межкультурной коммуникации в современном мире). Заимствования из английского языка осуществляются и на уровне грамматики. Так, в настоящее время наблюдается постепенное вытеснение конструкции *у нас есть* конструкцией *мы имеем* (*we have*), использование инфинитивных конструкций, идущее вразрез с нормами русского языка, но типичное для английской грамматики (ср., например, фразу из одного автореферата: *Характерной особенностью речи англичан является говорить сдержанно*). При всей негативности этих процессов для нашей национальной идентичности нельзя не отметить, что они способствуют облегчению межкультурной коммуникации.

При переводе титров художественного фильма переводчик говорит: Основано на новелле. Надпись на экране: Based on the novel by...

Ошибка переводчика заключается в неверном переводе лексемы *novel*, соответствующей русскому слову «роман». По сути дела это хрестоматийный случай межъязыковой омонимии (так называемые ложные друзья переводчика).

В фильме «Без единой улики» преступник говорит: «Только человек, который знает, что я здесь, лежит на дне Темзы».

Реплика зрителю непонятна (едва ли персонаж имеет в виду, что на дне Темзы больше никого нет). Ошибка переводчика заключается в неверном определении грамматической принадлежности слова *only*: в данном случае это не наречие *только*, а прилагательное *единственный*. Должно было прозвучать: *Единственный человек, который знает, что я здесь, лежит на дне Темзы*.

Результаты этой тенденции отражаются как в сфере коммуникативной компетенции, так и в коммуникативной концептосфере.

Любой переводной текст, на наш взгляд, в том числе и исполненный талантливо, обладает достаточной «экзотичностью» в положительном смысле этого слова, когда «экзотичность» интродуцируется в транслят не ради экзотичности, а в той мере, в которой она необходима для освоения чужой культуры. Часть экзотизмов с течением времени ассимилируется языком перевода, часть заимствований остается в нем экзотизмами, которые являются характерными компонентами языка перевода и время от времени употребляются в оригинальной речи на ПЯ.

Норму переводческой речи можно подразделить на норму неспецифичности перевода, норму ПЯ-специфичности перевода и норму ИЯ-специфичности перевода. Соблюдение этих трех норм в целом обеспечивает достаточную адекватность перевода.